

100

ВЕЛИКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

100 великих (Вече)

Рудольф Баландин

100 великих экспедиций

«ВЕЧЕ»

2010

Баландин Р. К.

100 великих экспедиций / Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ»,
2010 — (100 великих (Вече))

Колумб, Магеллан, Кортес, Васко де Гама, Америго Веспуччи, Ермак, Хабаров, Лаптев, Пржевальский, Крузенштерн... Какая сила влекла этих великих путешественников в неведомые земли, для чего они снаряжали экспедиции и отправлялись в далекие и опасные странствия, рискуя своим здоровьем, а то и жизнью? Одних привлекала романтика приключений, другие стремились к славе и богатству, третьи искали новые земли для своего отечества, четвертые надеялись сделать научное открытие... О ста самых выдающихся экспедициях, изменивших наши представления о земле, рассказывает очередная книга серии.

© Баландин Р. К., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Введение	5
1	5
2	7
Часть I	8
Глава 1. Мания высоты	8
Штурм Анапурны	8
На «крышу мира»	12
Недоступная К2	15
Романтика непокоренных гор	17
Вершина, которой не стало	20
Первый на Северном полюсе	22
Трагическое открытие Южного полюса	25
Глава 2. Отчаянные одиночки	29
Преодоление злой магии К2	29
Один на один с Нангапарбат	32
Через Атлантику на вёслах	34
Кругосветка Чичестера	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рудольф Константинович Баландин

100 великих экспедиций

Введение

Путь в неведомое

*Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край. О Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и земля – куда черней чернила,
Знай – тысячами солнц сияет наша грудь!*

*Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,
На дно твоё нырнуть – Ад или Рай – едино! —
В неведомого глубь – чтоб новое обрести!*
Шарль Бодлер (перевод Марины Цветаевой)

1

Какая неодолимая сила влечет человека в Неведомое, в трудные экспедиции с риском для здоровья, а то и для жизни?

Одного привлекает романтика приключений, другой стремится к рекордным достижениям и славе, третий испытывает свою физическую и моральную стойкость, четвертый надеется сделать научное открытие, пятый – любитель острых ощущений и сильных стрессов...

Побудительных причин для рискованных предприятий немало. Есть специальные виды спорта, сопряженные с опасными изнурительными экспедициями, – экстремальный туризм и альпинизм.

«В борьбе с вершиной, в стремлении к необъятному человек побеждает, обретает и утверждает прежде всего себя. В крайнем напряжении борьбы, на грани смерти Вселенная исчезает, оканчивается рядом с нами. Пространство, время, страх, страдания больше не существуют. И тогда все может оказаться доступным. Как на гребне волны, когда во время яростного шторма внезапно воцаряется в нас странное, великое спокойствие. Это не душевная опустошенность, наоборот – это жар души, ее порыв и стремление. И тогда мы с уверенностью осознаем, что в нас есть нечто несокрушимое, сила, перед которой ничто не может устоять».

Так писал председатель Гималайского комитета и президент Французской федерации альпинизма Л юсьен Деви в предисловии к книге Мо – риса Эрцога «Анапурна», рассказывающей о мучительном восхождении на эту вершину и не менее тяжелом спуске с нее. Группа, возглавляемая Эрцогом, впервые поднялась выше 8 км, покорив Анапурну (8091 м).

Конечно же, когда мы говорим о покорении какой-либо горной вершины, не следует забывать, что в действительности альпинисты преодолевают препятствия на заранее выбранном маршруте. Гора или отвесная скала для них – подобно грандиозному природному спортивному снаряду. Эти люди ставят рекорды восхождения и скалолазания. Таков их способ самоутверждения.

Те, кто сумел выдержать жесточайшие испытания, безусловно, заслуживают уважения и восхищения. Но все-таки им будет посвящена только последняя часть данной книги. Это

оправданно прежде всего в историческом аспекте: альпинизм и экстремальный туризм появились сравнительно недавно, всего лишь полтора столетия назад.

Первыми альпинистами стали исследователи Альп – географы и геологи. Они избегали излишних трудностей и опасностей, потому что стремились к познанию природы.

Множество экспедиций организуются постоянно в разные районы мира с различными целями. Так работают геологи, географы, биологи, экологи, археологи... Да разве только они?

В 1960 году мне довелось участвовать в геолого-географической экспедиции на Чукотке. Наш маршрут проходил от истоков реки Анадырь на Полярном круге к Северному Ледовитому океану. В центре Анадырского нагорья мы побывали в огромной воронке загадочного озера Эльгыгытгын. На всем пути не встретили следов пребывания человека. Чувствовали себя первопроходцами. Спустились с Анадырского нагорья в обширную Чаунскую низменность. И тут в одном из маршрутов я наткнулся на колышки с надписью «ТЭП—ЛЭП». Оказывается, здесь наметили трассу линии электропередачи.

Вот тебе и «нехоженные тропы»!

Ничего не поделаешь: в наше время дальние страны вполне доступны. Потускнел романтический ореол заполярных тундр, таежной глухомани, знойных пустынь, дремучих джунглей.

Неужели время великих исследовательских экспедиций давно миновало? Или неведомые земли остаются только на других планетах?

2

На старинных географических картах нередко встречались белые пятна и слова: *Terra incognita* (Земля неведомая). Это вселяло надежду на необычайные, или даже выдающиеся открытия. Что там, за границами познанного?

Воображение людей населяло неведомые земли необычайными существами, гномами и великанами. Кому-то мерещились там легендарные копи царя Соломона, а кто-то (скажем, Христофор Колумб) предполагал встретить там утерянный рай...

Великие географические открытия развеяли подобные мечты. Осталась лишь суровая реальность, лишенная романтического ореола.

Один из знаменитых путешественников XX века, Тур Хейердал, признавался: «Не думаю, что я истинный искатель приключений, хотя, увы, и стал им. Я не ищу приключений ради приключений. Во всем виновата моя любовь к природе. Я люблю дикую, первозданную природу, и мне доставляет наслаждение общение с ней».

Но где же теперь дикая первозданная природа? И почему Хейердал вынужден был стать искателем приключений?

Основная причина, как мне представляется, экономическая. Организовать крупную экспедицию невозможно без значительных финансовых затрат, не имея спонсоров, которые надеются получить от экспедиции доход.

Теперь, заплатив кругленькую сумму, можно совершить туристический полет в космическое пространство. Экспедиция? Да. Приключение? Безусловно. Но есть ли в этом хоть толика величия?

В таком случае, что же следует считать великой экспедицией?

Исходя из своих субъективных представлений, я бы выбрал только те путешествия, которые привели к каким-то реальным результатам – в познании земной природы или использовании ее богатств (открытие месторождений полезных ископаемых, изучение неведомых земель и природных явлений).

Но многим читателям нравится переживать приключения иного рода: физические, а не умственные трудности, смертельно опасные ситуации, рискованные авантюры, загадочные случаи. С этими интересами приходится считаться.

В этой книге я стараюсь по мере возможности совместить оба этих принципа. Однако в некоторых случаях будет отдаваться предпочтение или выдающимся достижениям, или опасным приключениям, или занимательным происшествиям. При этом будем исходить из принципа разнообразия, а по мере возможности – и актуальности.

Часть I

Искатели приключений

*Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас!
Когда б мы поддались напору
Стихий, ищущей простора, Мы выросли бы во сто раз.*
Рейнер Мария Рильке (перевод Бориса Пастернака)

Глава 1. Мания высоты

Альпинистов часто называют покорителями гор. Звонкое выражение – далекое от реальности.

Да, люди добираются до высочайших горных вершин, порой с величайшим напряжением сил и смертельной опасностью, но тотчас торопятся назад, в места обитаемые и безопасные. А горы по-прежнему возносят свои вершины в небеса, как это было до появления людей и будет после их ухода в небытие.

Поднимаясь к вершинам, человек покоряет не горы, а свой страх. Со временем альпинизм и вовсе превратился в вид спорта со своими рекордами, героями и трагедиями.

А еще есть на нашей планете две высшие точки – Северный и Южный полюсы. Они тоже манят энтузиастов путешествий и приключений. И подобно «покорению гор», экспедиции к этим глобальным вершинам были нередко сопряжены с огромными трудностями, трагедиями и жестокими разочарованиями.

Штурм Анапуры

Люди изобрели арифметику из практических соображений. Древнейшие тексты первой (наравне с Египетской) цивилизации Шумера содержат сведения о товарах и их количестве. Но чем привычнее становились цифры, чем более упорядоченными делали люди их ряды, изобретая различные системы, тем более завораживала магия чисел.

Со временем появились жрецы, сделавшие из своего знания календаря, астрономии, арифметики оккультные науки, овеянные ореолом таинственности. Католическая церковь возвела «круглые даты» в ранг юбилеев, когда шла особенно бойкая торговля индульгенциями, за деньги отпускавшими грехи. В сознании миллионов укоренилось особо почтительное, а то и мистическое отношение к датам, оканчивающимся на один, два, три, а в особенности на четыре нуля (вспомним помпезное празднование «миллениума», 2000 года!).

У альпинистов магическим числом было 8000. Выше этой высоты поднялось лишь 14 горных вершин Земли. До 1950 года ни на одной из них не побывал человек.

Вершина Анапуерна. Ее преодоление вошло в историю альпинизма как выдающееся достижение

Велика ли разница высот: 7879 (гора Нупцзе) и 8091 (Анапуерна)? Всего 212 метров. Но лишь немногие специалисты знают о восхождении на Нупцзе, а преодоление Анапуерны вошло в историю альпинизма как выдающееся достижение. Такова магия цифр.

Восьмитысячники были заветной мечтой всех восходителей с тех пор, как о них стало известно. Тем более что в XX веке альпинизм стал превращаться в особый вид спорта, имеющий своих профессионалов и свои рекорды.

Помимо экономических, физических и технических трудностей экспедиций в Гималаи, высочайшую горную систему нашей планеты, до окончания Второй мировой войны существовали трудности политические. Скажем, королевство Непал, где находится большинство восьмитысячников во главе с Эверестом (Джомолунгмой), до 1949 года было закрыто для посетителей.

...Французский альпийский клуб, за которым не числилось крупных мировых достижений, решил заявить о себе в 1950 году рекордным восхождением на одну из вершин, расположенных примерно 50 км одна от другой: Дхаулагери (8167 м) и Анапуерну (8091 м).

Участников экспедиции выбирали особо тщательно, а руководителем назначили Мориса Эрцога – не лучшего скалолаза, даже не профессионального или наиболее опытного альпиниста, зато отличного организатора, волевого и в то же время тактичного, доброжелательного человека. Кроме него в основную группу вошли Лионель Террай, Луи Ляшеналь, Гастон Ребюффа, Жан Кузи, Марсель Шац.

Два серьезных препятствия встали перед участниками экспедиции еще до начала восхождения: отсутствие достаточно точных топографических карт, позволяющих ориентироваться на местности, и короткий срок наиболее благоприятного времени для штурма вершины – с конца марта и до начала летних муссонных ветров с дождями и снегопадами в горах. Приходилось проводить длительные рекогносцировочные маршруты и делать непростой выбор между Дхаулагери и Анапуерной. Предпочтение отдавалось первой, подходы к которой были лучше изучены и неплохо просматривались. Однако у нее был существенный недостаток: более крутые склоны. А ведь никто из группы не поднимался даже до высоты 7 км.

Долгого обсуждения не было. На правах руководителя Эрцог выбрал Анапурну. Решение было верное. Однако времени оставалось в обрез. Почти месяц – до середины мая – ушел на разведку, хотя именно Анапурна и подступы к ней были исследованы плохо из-за того, что карты оказались неверными.

Обследовали ближайший северо-западный склон. Он был слишком длинным, а скальные выступы на нем затрудняли подъем, в особенности на больших высотах. Северный склон, более пологий и гладкий, был опасен из-за частых лавин. Пришлось остановить выбор на нем.

Наконец, следовало выбрать стратегию подъема. В одном случае – максимально быстрый штурм небольшой группой с легким снаряжением, разбивая бивуаки по мере продвижения. Это так называемый «альпийский стиль». Однако в условиях гор-гигантов и высокогорья при недолгой акклиматизации он вряд ли привел бы к успеху.

Другой вариант – «осада», когда по мере продвижения устанавливаются базовые лагеря, куда носильщики доставляют грузы. И только на последнем этапе два-три альпиниста идут на штурм вершины. В таком случае главная задача горвосходителей – прокладка маршрута по оптимальной трассе. Кстати, французы помогали нанятым специально местным шерпам переносить грузы. Надо было спешить: кончался май, наступало время муссонов.

2 июня они вышли на исходную позицию для решающего штурма. Первоначально напарником Эрцога предполагался Террай. Но он потратил много сил, перенося грузы и устанавливая лагерь 4. Решено было, что пойдет его друг Ляшеналь.

Они и два шерпа поднимались по отлогому серповидному ледовому барьеру, с трудом передвигая ноги в рыхлом снегу. Над ними сильный ветер переносил снежные заряды. Прошли высоту 7500. Показалась гладкая скалистая вершина. Вырубив полочку в плотном снегу, поставили палатку. Шерпы, пожелав удачи, поспешили вниз. Ночью спали урывками. Снег придавливал стенку палатки, ветер норовил сбросить ее в пропасть. Сказывались острый недостаток кислорода и мороз. Людьми овладевала апатия. Утром, даже не пытаясь разжечь примус, не притронувшись к еде и питью, отправились на маршрут. Шли весь день, делая по несколько вдохов на каждый шаг.

Ляшеналь остановился, чтобы снять ботинки и помассировать замерзшие ступни. Спросил:

- Что ты сделаешь, если я поверну назад?
- Пойду один.
- Тогда я тоже пойду.

Продолжили движение. «Я существовал в хрустальном мире, – вспоминал Эрцог. – Звуки приглушены, как будто атмосфера стала ватной. Меня охватила удивительная, не поддающаяся описанию радость. Все вокруг было настолько необычным, насколько новым!»

Прошли скалистый уступ. Вдруг рванулся режущий лицо ветер. Склоны со всех сторон уходили вниз. Они стояли на вершине Анапуры!

Было 3 июня 1950 года.

Впервые в мире был преодолен восьмимысячник.

Эрцог вынул из рюкзака небольшой шелковый флажок и привязал к древку ледоруба. С ним они поочередно сфотографировались. Ляшеналь начал спуск. Эрцог задержался на вершине, переживая радость победы. Ляшеналь оказался далеко внизу.

Пытаясь его догнать, Эрцог задыхался и время от времени усаживался на снег. Один раз почему-то снял рукавицы и стал развязывать рюкзак. Спихнулся поздно, заметив, что рукавицы покатались вниз по крутому склону и пропали из глаз. В рюкзаке оставалась запасная пара носков. Эрцог не догадался надеть их на руки. Он упустил из вида своего товарища. Начиналась пурга: циклон добрался до Анапуры.

Внизу, на месте их последнего бивуака, он увидел две палатки. Значит, Террай и Ребюффа, как было договорено, поднялись к ним на помощь. Казалось, все беды, трудности и опасности позади. Но они еще только начинались.

В палатке он рассказал Терраю и Ребюффу об успехе. Они обратили внимание на его руки с пальцами твердыми и холодными, как ледышки. Но где Ляшеналь? Ведь он должен был прийти раньше!

Террай высунулся из палатки. Было темно из-за надвинувшихся облаков. Он закричал. Нет ответа. Через некоторое время сквозь свист и завывания ветра ему послышался голос друга. Когда ледяной туман рассеялся, он увидел примерно в ста метрах внизу тело, лежащее на снегу.

Схватив ледоруб и даже не нацепив кошек, Террай стал съезжать по крутому заснеженному склону, рискуя скатиться в пропасть. Остановился, сделав крутой поворот и вонзив ледоруб в снег, рядом с Ляшеналем. Тот не получил сильных повреждений от падения, но потерял одну кошку и ледоруб. Ступни своих ног он не чувствовал.

Вдвоем они поднялись к палаткам. Всю ночь Террай и Ребюффа растирали, массировали, колотили руки Эрцога и ступни Ляшеналья. Лучше бы они этого не делали, ограничившись отогреванием. Хотя пострадавшие конечности стали подавать признаки жизни, зато воспалились и опухли.

Тем временем буря с ужасающим воем набирала силы и засыпала палатки снегом. Два измученных «покорителя» Анапурны не могли самостоятельно одеться. Когда Террай попытался обуть Ляшеналья, то убедился, что сделать это невозможно: настолько распухли ноги. Ботинки Террая были намного больше, чем у пострадавшего. Но для того, чтобы надеть ботинки Ляшеналья, Терраю пришлось сделать на них надрезы и снять пару своих дополнительных носков, рискуя обморозить собственные ноги.

В белой пелене пурги трудно было выбирать нужное направление, избегать трещин и провалов, обходить скалы. Эрцог двигался самостоятельно, но очень ослаб. Ляшеналь сильно нервничал и спорил с Терраем, ставшим лидером группы.

День подходил к концу. Никаких признаков лагеря 4 не было. Они заблудились. Силы были на исходе. Не было никакого укрытия от пронизывающего ветра. Террай принялся копать в снегу яму своим ледорубом. Ляшеналь отошел в сторону, осматривая запорошенную снегом трещину. Вдруг он крикнул и пропал. Все бросились к нему на помощь. Он оказался в неглубоком провале. Крикнул:

– Все в порядке! Здесь чертовски большая пещера!

Они устроились в этом убежище. Укладываясь спать, Террай развернул свой спальный мешок. У трех остальных, решивших спуститься налегке, спальных мешков не было. Пришлось довольствоваться одним, спрятав в нем ноги. От холода они спали урывками. Их отчасти замело снегом. Ребюффа, надев свои ботинки, первым вышел из убежища, почувствовал пронизывающий ледяной ветер и понял, что ничего не видит. От резкой боли у него слезились глаза. Это была снежная слепота.

Ляшеналь вышел вторым и радостно сообщил, что светит солнце. Вылез и Террай. Но у Эрцога одеревенели от холода руки и ноги. Его пришлось вытаскивать из пещеры. От усталости он не мог идти. Сказал:

– Я умираю. Вы должны оставить меня.

Стараясь его ободрить, каждый тем не менее понимал, что шансов спуститься у них слишком мало: лишь один Террай был относительно крепок, хотя и он рисковал отморозить ноги. Другие были плохи: слепой, хромой и обессиленный.

Вдруг они услышали крики. Это поднимались к ним на выручку Шац и шерпы.

Казалось бы, все злоключения позади. Но им предстоял еще спуск с лагеря 4 по участку, где теперь то и дело срывались лавины. Одна из них обрушилась на альпинистов. Всех четверых

сбило с ног. Они могли погибнуть, если бы Эрцог не угодил в трещину. Они были соединены веревкой, и он сыграл роль живого якоря, удержав остальных.

В лагере 2 их осмотрел доктор. У Террая и Ребюффа были незначительно обморожены пальцы рук и ног, а снежная слепота вскоре прошла. Эрцог и Ляшеналь, которым пришлось ампутировать (без анестезии) отмороженные пальцы на руках и ногах, не могли идти. Их несли шерпы под проливными муссонными дождями.

Судьбы восходителей сложились по-разному. Террай, занимаясь скалолазанием, в 1965 году разбился на утесах Векор в сравнительно невысоких известковых горах Центральной Франции. Ляшеналь после ампутации нескольких пальцев на ногах оставил альпинизм; стал более замкнутым, бесшабашно ездил на автомобиле, а в 1955 году погиб при спуске на горных лыжах.

Больше всех физически пострадал Эрцог. Не имея возможности заниматься спортом, он работал во Французском альпийском клубе, затем стал министром по делам молодежи и спорта во Франции.

«Анапуurna, – писал он, – к которой мы пришли с пустыми руками, оказалась сокровищем в наших воспоминаниях для всей нашей будущей жизни... Начинается новая жизнь!

Есть и другие Анапуrны в жизни людей».

На «крышу мира»

Тибетцы зовут эту вершину Джомолунгма («Мать-Богиня Мира»). Когда англичане визу-ально обследовали ее со стороны Индии, то назвали в честь своего губернатора (отличавшегося высокой должностью, а не ростом) Эверестом.

Эверест (Джомолунгма) – высочайшая вершина земного шара

Только в 1920 году власти Тибета разрешили (со стороны Непала сохранялся запрет) организовать восхождение на эту высочайшую гору планеты: 8848 м над уровнем моря. В 1922 году английская экспедиция пошла на штурм Эвереста с севера, из Тибета.

С двумя спутниками известный альпинист Мэллори поднялся до рекордной высоты 8217 м. Но им пришлось вернуться: выбились из сил в разреженном воздухе и под пронизывающим морозным ветром. После еще двух неудачных попыток, в 1924 году Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин с последней базы на высоте 8537 м пошли к вершине... И не вернулись. Известно, удалось ли им испытать радость достижения цели – последнюю в жизни.

О том, какое значение в Англии придавалось восхождению на высочайшую вершину Земли, свидетельствует уже то, что Королевское географическое общество и Альпийский клуб создали специальный Эверестовский комитет. К Эвересту периодически направлялись разведывательные экспедиции (только ли с научными целями?).

Однако первыми на Эвересте едва не стали швейцарцы, получившие в 1952 году разрешение на восхождение. Участники этой экспедиции Раймон Ламбер и шерп Норгей Тенцинг подошли близко к вершине, но из-за неисправных кислородных баллонов вынуждены были отступить.

Начальником английской экспедиции 1953 года назначили полковника Джона Ханта – не слишком известного альпиниста, но прекрасного организатора. В группе было 12 альпинистов и 36 носильщиков-шерпов, которыми руководил Тенцинг. Некоторое время они тренировались, выходя с базового лагеря на высоты до 6 км.

Продвижение шло неспешно, с периодической разведкой наиболее удобного и безопасного маршрута и очередного лагеря. В одном месте нашли следы пребывания прошлогодней швейцарской экспедиции. Джон Хант, несмотря на то что был старше всех и занимал положение начальника, старался ни в чем не уступать другим, даже в переноске грузов. Но в то же время он был неплохим психологом и заметил, что наиболее сильная связка – Хиллари и Тенцинг.

Действительно, эти двое были крепки, энергичны, сноровисты и решительно настроены на достижение вершины. Позже Хиллари писал: «Если принять утверждение современной философии о том, что для преуспевания в спорте необходимо руководствоваться безжалостными и эгоистическими мотивами, тогда можно со всей определенностью сказать, что во время нашей экспедиции мы оба, Тенцинг и я, ближе всех походили на примадонн современного альпинизма. Мы желали успеха экспедиции, и никто другой не трудился больше нас, чтобы добиться его, однако в наших мыслях успех всегда связывался с тем, что мы окажемся где-то в районе вершины, когда это произойдет».

Базовый лагерь был расположен на высоте 5365 м. Из него рано утром 2 мая Хиллари и Тенцинг отправились вверх по Западному цирку, неся по 18 кг. Они добрались до лагеря 4, пройдя 4 мили и поднявшись до высоты 6462 м. Переход показал, что они находятся в хорошей форме.

Хант предпочитал действовать методично, но времени не терять. Они проводили предварительную разведку, затем устанавливали место очередного лагеря, и так далее. Ожидая последнего штурма, установили промежуточную базу на Южной седловине (7986 м).

На штурм Южной вершины (8765 м) предполагалось отправить Чарлза Эванса и Тома Бурдиллиона. Не исключалось, что они смогут достичь основной вершины. На сутки позже них должны были выйти Хиллари и Тенцинг. Однако путь до Южной седловины и переноска туда груза оказался трудным и более долгим, чем предполагалось.

«На большой высоте, – пишет альпинист Крис Боннингтон, – время словно замедляет свой бег благодаря состоянию вялости и апатии, в которое впадает восходитель. Возня с непослушным примусом, мытье посуды в ледяной воде, борьба с замерзшими ремнями кошек –

все это настолько вторгается в повседневную жизнь восходителя, что начинает оттеснять на второй план основную цель, в данном случае восхождение на Южную седловину».

Это был последний опорный пункт перед решительным наступлением на вершину Эвереста. Тем, кто добрался сюда, с огромными усилиями подготавливая базу, не удалось даже преодолеть высоту 8 км, для чего оставалось подняться всего лишь на 15 м. Один из них откровенно признался в своих чувствах, когда он провожал глазами тех, кто стал подниматься выше: «Демон зависти, сдерживаемый мной до сих пор, разыграл вовсю при ощущении того, что моя работа была уже завершена».

Джон Хант с шерпом Да Намнгялом поднялись до высоты 8325 м и устроили склад припасов, после чего тоже вернулись вниз.

Эванс и Бурдиллион (он был разработчиком кислородной системы замкнутого типа, которую они испытывали при восхождении) направились к Южной вершине. Всего за полтора часа поднялись на 400 метров. Затем их путь по гребню резко замедлился из-за глубокого снега и налетевшей метели.

Кислородный аппарат Эванса стал барахлить, но они продолжали медленный подъем и достигли, наконец, Южной вершины (8765 м). Эванс и Бурдиллион были первыми людьми в мире на такой высоте, где могли побывать перед своей гибелью разве только Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин.

Прошло пять с половиной часов с начала подъема. Что делать? Вершина была близка, и дойти до нее не представляло большого труда. Но смогут ли они вернуться до наступления темноты? А главное, хватит ли у них кислорода? Бурдиллион был уверен, что надо рискнуть.

Но Эванс, поставленный во главе связки, возражал. Возник спор. Эванс настоял на своем. Они пошли вниз. И правильно сделали.

От усталости они едва держались на ногах, а порой падали. Затем сорвались и покатались по склону. Бурдиллион смог затормозить падение ледорубом.

Больше всех обрадовались их возвращению Хиллари и Тенцинг: теперь у них появился шанс быть первыми на «вершине мира». Они вместе с Грегори, Лоу и шерпом Анг Ныма поднялись до высоты 8494 м и поставили палатку. Двое восходителей остались одни. Встали рано утром 29 мая, позавтракали и в 6.30 двинулись в путь. Погода былаясная, ветер слабый, мороз 25 °С.

В 9 утра добрались до Южной вершины. Дальнейший путь по карнизу с резкими перепадами и крутым обрывом почти в три километра оказался трудней, чем предполагалось. Особенно много неприятностей доставила отвесная скальная стена с ледяным карнизом, на которую с огромными усилиями забрался Хиллари, а затем и Тенцинг.

В 11.30 они достигли самой высокой точки Земли. Отсюда все склоны уходили вниз. Они обнялись, сделали несколько фотографий, воткнули в снег флаги Англии, Непала и ООН. Хиллари, выполняя просьбу Ханта, оставил распыть, а Тенцинг, по буддийскому обычаю – печенье и конфеты.

И хотя после них на Эвересте побывало множество не только мужчин, но и женщин, проходивших порой более трудными маршрутами и даже без кислородных масок, по давно заведенному обычаю высокие почести и слава достались первовосходителям.

...За каждые 10 лет Эверест становится выше на 1,3 см. С того времени, как на нем побывали Тенцинг и Хиллари, он вырос на полметра. Это объясняют движением с юга гигантской плиты литосферы, из-за чего каменные массивы образуют нечто подобное ледяным торосам.

В действительности любые гряды молодых гор растут, долины погружаются; происходит сложная система движений преимущественно растяжения, а не сжатия. (В этом довелось убедиться и мне во время работы в геологическом отряде на Кавказе, в Сванетии.)

При столкновении плит была бы совершенно иная картина. И все-таки, вопреки фактам, ныне даже среди специалистов пользуется популярностью примитивная «глобальная тектоника

плит». Упоминая об этом, чтобы подчеркнуть разницу между спортивными достижениями альпинистов, которые могут вызывать восхищение, и провалами в познании природы у иных ученых, наводящими на грустные мысли.

Недоступная К2

По трудности подъема из всех восьмитысячников на первом месте должна стоять вторая по высоте вершина Земли – К 2. Она возвышается, подобно гигантской пирамиде, припудренной вечными снегами.

Первыми попытались покорить ее американские альпинисты в 1938 и 1939 годах. Несмотря на хорошую подготовку, эти экспедиции не достигли цели. Вторая, вдобавок, завершилась трагически. Они последовательно устраивали базы, перейдя высоту 8 км. Из верхнего лагеря Фриц Виснер в связке с шерпом Пасангом Дава Ламой пошли на последний штурм. Но с высоты 8380 м они вынуждены были вернуться, чтобы повторить попытку на следующий день. На базе остался Дадли Уолф.

Потеряв во время спуска «кошки» (накладки с шипами на подошвы), они, не дождавшись помощи, спустились ниже, но и в этом лагере никого не было. Оставив потерявшего силы Уолфа, они продолжили спуск. Пришлось идти до базового лагеря. Оказывается, все базы были почему-то спешно эвакуированы.

На спасение Уолфа вышли трое шерпов во главе с опытным альпинистом Пасангом Киккули. Тем временем погода испортилась, и никто из них в лагерь не вернулся...

В 1954 году группа лучших альпинистов Италии начала восхождение на К2. Несмотря на плохую погоду, поднимались все выше, устанавливая базы. Впервые удачно применили подъем грузов с помощью ручной лебедки. Один из шести альпинистов из лагеря 7 на высоте 7320 м – Вальтер Бонатти – вынужден был спуститься вниз из-за отравления (о нем еще будет речь в главе об отчаянных одиночках).

Он вспоминал: «Когда наступил момент наблюдать, как мои товарищи отправились на штурм вершины, мир, казалось, рухнул вокруг меня. Я был потрясен, меня охватила апатия, я почувствовал себя совершенно бесполезным человеком и проклинал судьбу, которая лишила меня возможности насладиться моментом, которого я так долго ждал, – свести счеты с К2...

Вторая по высоте вершина Земли – К2

В то время пока пять моих товарищей уходили все выше и выше по склону, озаряемому лучами солнца, я остался в палатке, став добычей депрессии. Мои мысли были настолько горькими, что в конце концов мне пришлось приложить усилия воли для того, чтобы взять себя в руки. Я решил во что бы то ни стало съесть что-нибудь, несмотря на то, что при одной только мысли о пище начинало тошнить».

Через двое суток, 30 июля, Бонатти поднялся до лагеря 8 (7620 м). Из-за организационных просчетов ему и Галотти пришлось спуститься вниз до лагеря 7 за кислородными баллонами. Компаньони и Лачеделли пошли вверх, чтобы установить лагерь 9 (8060 м).

Каждый день, каждый час пребывания на такой высоте отнимал силы. Но Бонатти чувствовал себя неплохо. Не теряя времени, он вместе с носильщиком Махди, который нес баллоны, стал подниматься, минуя лагерь 8, все выше.

Близился вечер, а палатки лагеря 9 не было видно. Тяжело шагая, поднялись выше – палатки все нет. Смеркалось. Спускаться вниз означало провал экспедиции. Остаться на ночь в лютый мороз, на ветру грозило смертью.

Махди запаниковал. Он что-то кричал на своем языке. Бонатти безуспешно пытался звать своих товарищей. Стемнело, начиналась метель. Махди свернулся калачиком на снегу и замолк.

– Я не хочу умирать! – кричал в темноту Бонатти. – Я не должен умереть! Лио, Ахилле, вы слышите нас? Ради бога, помогите нам!

Вдруг из-за склона показался луч карманного фонарика. Это спустился Лачеделли. Теперь Бонатти мог подняться к палатке. Но он не оставил Махти замерзать и провел вместе с ним страшную ночь. Под утро метель утихла, и Махди, шатаясь, пошел вниз по склону.

На вершину K2 поднялись Компаньони и Лачеделли. Это был успех экспедиции, но и тяжелое разочарование для Бонатти, который сделал едва ли не больше всех для победы.

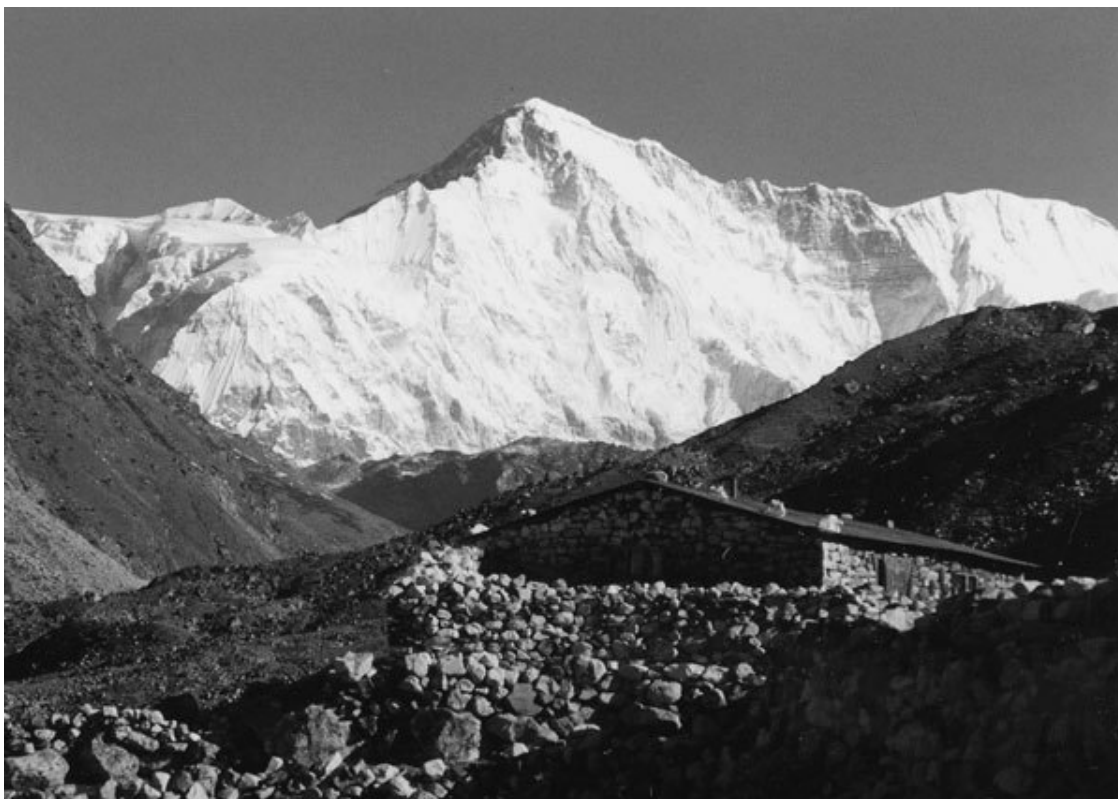
Он относился к людям спортивного типа, нацеленных на рекорды, первенство. И это свое стремление к успеху он смог реализовать позже в одиночном восхождении на почти вертикальный контрфорс Пти Дрю в Альпах.

Романтика непокоренных гор

Высокогорные восхождения совершают люди из разных побуждений. Сравнительно редко встречаются те, кому доставляет радость общения с природой, а не рекорд, слава или чувство самоудовлетворения. Австриец Герберт Тихи искренне признавался:

– Я не альпинист в строгом смысле этого слова. Горы, хотя я их очень люблю, не являются для меня самоцелью, местом проверки технической подготовленности и физических сил, а лишь частью нашего огромного мира, где я чувствую себя как дома. Я люблю горные вершины как людей, потому что они – равнозначные части большого целого.

Он был геологом и умел не только «покорять горы» (нелепое, но общепринятое выражение), но и понимать их. Однажды в 1953 году он четыре месяца бродил в горах Западного Непала с четырьмя шерпами. Они восходили на некоторые шеститысячники в районе, где еще не бывали европейцы.

Вершина Чо Ойю

Интересную идею предложил Пасанг, работавший в экспедиции Хаита, он участвовал в штурме К2, поднимаясь без кислородного аппарата почти до высоты 8 км. Он предложил подняться на восьмую по высоте вершину, Чо Ойю (8153 м), которую год назад безуспешно пытался штурмовать Эрик Шиптон.

Осенью 1954 года Тихи вернулся в Непал вместе с опытным альпинистом Зеппом Иохлером и Гельмутом Хейбергером. В группу должны были войти 7 шерпов как полноправные участники экспедиции, хотя и работающие по найму. На этот раз Герберт Тихи из романтика превратился в целеустремленного прагматика, который решил во что бы то ни стало добиться конкретной цели – первому взойти на Чо Ойю.

Хотя руководителем и организатором экспедиции был Тихи, он постарался поддерживать в группе дух товарищества и равноправия. Когда требовалось принять какое-то важное решение, обсуждали вопрос сообща, и часто принималось мнение Пасанга как наиболее опытного восходителя.

Из базового лагеря, где остался Хайбергер на высоте около 5 км, за несколько дней поднялись до 6590, установив здесь третий лагерь.

Йохлер, страдая от горной болезни, вернулся на базу. Из австрийцев остался только Тихи. Дальше начиналась серия ледопадов, которую так и не смогла преодолеть группа Шиптона.

Усталый от перехода Тихи мечтал после обеда заползти в палатку и отдохнуть до утра, но Пасанг предложил пройти ледопад. Пришлось согласиться. С ними пошел второй шерп Аджиба. Пасанг преодолевал ледяные уступы первым и выбирал наилучший путь. За два часа ледопад был преодолен: разведка прошла успешно, и теперь можно было по вырубленным ступеням и навешанным веревкам подниматься с грузом. В полном изнеможении, шатаясь, Тихи подошел к палатке и рухнул в нее.

Ночью – на 4 декабря – налетела метель. Запись в дневнике Тихи: «Один занимаю палатку. Хочу сделать последние приготовления к раннему выходу. На рассвете все три палатки смяло ужасающим штормом. Не переживал ничего подобного. Лежу, словно рыба в сети или труп под саваном. Безоблачное небо и ураганный ветер весь день. Пришли 2 шерпа из лагеря 2... Я никогда еще не видел такого неистовства природы на фоне такой красоты».

5 декабря ветер поутих, и пять шерпов с австрийцем медленно двинулись вверх. Только поздно вечером они установили лагерь 4 на высоте 7 км. Два молодых шерпа отправились обратно, а оставшиеся оборудовали бивуак. Ночью шквальный ветер сорвал растяжки и стойки палатки. Она придавила лежавших в ней Пасанга и Тихи.

Ветер не унимался. Когда они утром выползли из палатки, то не могли устоять на ногах, опасаясь, что их сметет со склона. Пасанг заполз в палатку. Он отчаялся и кричал, повторяя несколько раз:

– Никогда не видел такого урагана! Мы все умрем!

Герберт Тихи сохранял самообладание. «Мое второе Я смотрело на всех нас четверых совершенно бесстрастно, почти с иронией... – вспоминал он. – Это странное раздвоение личности сохранялось во время дальнейших событий. Одна часть его действовала инстинктивно и страдала, другая просто следила за событиями, не выражая ни чувств, ни сожаления».

Подобная рефлексия, свойственная интеллигенту, в подобных случаях может оказаться чрезвычайно полезной. Физиологически она определяется работой развитого левого «рассудочного» полушария мозга, которое получает гегемонию над правым, «эмоциональным». При некоторых видах шизофрении резкое расщепление работы обоих полушарий мозга вызывает феномен «раздвоения личности», порой граничащий с безумием. Но когда сохраняется более или менее гармоничное единство их деятельности под контролем рассудка, в экстремальных ситуациях это помогает сохранить здравый смысл и продуманность поступков.

Когда порыв ветра приподнял одну палатку и мог бы смахнуть ее со склона, Тихи бросился на нее. Шерпы, выведенные из оцепенения, стали погать ему закрепить палатку. Все это время Тихи был без рукавиц, и поздно понял, что отморозил руки. Шерпы стали их отогревать. Он сказал:

– Надо спускаться вниз.

Тихи, не владеющий пальцами, не мог самостоятельно надеть кошки и держать ледоруб. Шерпы собрали необходимые вещи, оставили палатки и все в связке пошли вниз. По мере спуска ветер слабел. В лагере 3 их встретил Йохлер. Когда он сюда поднимался, порыв ветра сбросил его со скалы, но, к счастью, он упал в рыхлый снег.

В лагере 2 находился Хейбергер с медицинской аптечкой. Тихи стал глотать таблетки для улучшения кровообращения: 80 штук в день при дозе в 16. Шерпов отправили вниз за продовольствием и топливом, а сами решили набраться сил для второго штурма. Йохлер и Хейбергер отправились на разведку западного склона Чо Ойю.

Гревшийся на солнце у палаток Тихи вдруг заметил две фигуры, приближающиеся со стороны перевала. Они оказались членами швейцарской экспедиции. Они потерпели неудачу на горе Гаури Занкар и теперь решили взойти на Чо Ойю. К ним двигался караван яков и носильщиков. И хотя Тихи настаивал, что именно он получил разрешение на восхождения, швейцарцы были непреклонны и согласились только подождать окончания второй попытки группы Тихи.

Пришлось спешно начинать подъем. Теперь для защиты от ветра вырубали пещеры в фирновом льду. 16 октября в лагере 3 (6590 м) их вновь настигла буря. Двое суток они отсиживались в пещере. Тем временем швейцарцы неуклонно продвигались все выше.

Утро 18 октября было ясным. Пока готовились к переходу в лагерь 4, увидели три фигуры, поднимающиеся к ним. Кто? К счастью, это были не швейцарцы, а Пасанг с двумя

носильщиками, измученные тяжелейшим переходом с грузом. Они спешили, зная, что на горе появились конкуренты.

– Швейцарцы дошли до вершины? – отдышавшись, спросил Пасанг.

– Нет.

– Слава богу. Иначе я перерезал бы себе горло.

Он был настроен так решительно, что предложил не мешкая начать подъем. Тихи решил идти со всеми, и ему помогли надеть ботинки и кошки, застегнуть пуговицы на одежде. Пока они поднимались, ветер усиливался. На высоте 7 км оборудовали ночлег. Можно ли пройти оставшийся путь до вершины без кислородных баллонов? Выбора не оставалось: надо рискнуть.

Тяжкие переживания испытывал Тихи. Цель, ради которой он столько трудился и мучился, была близка, но для него едва ли достижима. И все-таки вместе с Йохлером и шерпами Пасангом и Гьялценом он пошел к вершине, хотя не мог держать в руках ледоруб.

Было холодно и ветрено, затруднял шаги рыхлый снег. Склон был пологим, и они вне связи шаг за шагом брели к вершине. Когда на пути встали скалы, Пасанг с помощью веревки втащил Тихи наверх. Дальше преград не было. Медленно, шаг за шагом, судорожно дыша и порой задыхаясь от недостатка кислорода, они приближались к заветной цели.

«Мир предстал передо мной в новой и доброжелательной красе... – вспоминал Тихи. – То немногое, из чего теперь состояла жизнь, – небо, скалы, лед, ветер и я – стало неделимым целым. Я чувствовал себя одновременно и богом, и жалкой ничтожной песчинкой».

По его признанию, он испытывал «неописуемое, сверхчеловеческое блаженство». И в то же время сознавал, что они обречены на смерть, ибо не смогут вернуться засветло, останутся близ вершины и замерзнут.

Неожиданно они оказались на том месте, откуда во все стороны идут склоны. Это была вершина Чо Ойю! Они плакали от счастья.

«Над нами было бескрайнее синее небо, – писал Тихи. – Оно обнимало нас со всех сторон, подобно колоколу. Достичь вершины – большая радость, но близость неба величественнее. Немногие бывали к нему ближе, чем мы в тот день. Именно небо господствовало над нашими чувствами в течение нашего получасового пребывания на вершине».

С наступлением сумерек они успели добраться до лагеря 4.

Для Тихи это еще была победа над своей, казалось бы, безнадежной немочью. А Пасанг совершил беспрецедентный переход: за три дня он прошел свыше 30 миль, преодолев 4000 м высоты. Возможно, этот альпинистский рекорд так и не был побит.

Вершина, которой не стало

В 1932 году комплексная памирская экспедиция АН СССР в процессе геодезической съёмки обнаружила высочайшую вершину Памира (7495 м). Её назвали именем Сталина.

На штурм вершины осенью 1933 года отправилась группа участников Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук СССР. Маршрут проходил через ледники Федченко и Бивуачный на восточном склоне горы. На высоту 6900 м поднялись шестеро (А. Гетье, Д. Гушин, М. Шиянов, А. Цак, Е. Абалаков и начальник отряда, Н. Горбунов).

Эта вершина до 1962 года называлась пиком Сталина, до 1999-го – пиком Коммунизма, ныне – пиком Исмаила Самони

На последний штурм вышли в связке государственный деятель, сорокачетырёхлетний академик Е.Н. Горбунов и двадцатипятилетний скульптор Е.М. Абалаков. Первый поднялся до высоты 7380 м и дальше не смог или не захотел идти. Дело в том, что восхождение было предприятием не только спортивным, но и научным. Альпинисты делали фотографии, зарисовки, схемы расположения хребтов и записи, несли научные приборы, что требовало немалой дополнительной затраты сил.

Вершины достиг только Евгений Абалаков. Он вспоминал: «Последний крутой тяжёлый кусочек преодолён. Справа гряда скалистых более пологих выходов. Первые плиты камней. Вершина!.. Вот она! Не выдержал, от волнения и радости на четвереньках вполз и лёг на чудесные, чуть тепловатые и защищенные от холодного ветра плиты.

Первое – вытащил альтиметр. Стрелка прибора ушла на последние деления 7700 метров. Это приятно удивило. Если даже взять поправку (он показывал несколько больше), то цифра всё же остаётся солидной, близкой к 7500... При сильном ветре морозит крепко. С моих усиков свисают две огромные сосульки. Борода тоже стала ледяной... Делаю схемы и зарисовки ледников, вершин и хребтов».

Спустившись на базу (3900 м), Горбунов отправил радиogramму: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. С радостью сообщаем Вам, что впервые исследованная нами в прошлом году высочайшая вершина СССР, названная Вашим именем, именем любимого вождя мирового пролетариата, взята 3/IX нашей штурмовой группой. На пике установлены две научные метеорологические станции. Группа шлет Вам пламенный привет. Горбунов».

Это достижение дало мощный импульс в развитии альпинизма в СССР, находившемся на подъеме. Сталин подписал документы, предполагающие создание системы подготовки горовосходителей (включая военных), укрепление материально-технической базы альпинизма;

инструкторам стали предоставлять отпуска без сохранения зарплаты на период работы в альпинистских лагерях.

...На картах Памира, изданных после 1962 года, пик Сталина исчез (по соображениям нечистой и нечестной политики). По исторической закономерности, через 30 лет не стало ни на картах, ни в действительности великой державы СССР. А с 1999 года пропал и пик Коммунизма. Его можно было бы назвать пиком Высокой Мечты. Но какой смысл существования человека, лишённого высокой и светлой мечты?

(С 1999 года она носит название «пик Исмаила Самони», основателя средневекового таджикского государства с центром в Бухаре).

Первый на Северном полюсе

Значительная часть популярных книг и очерков о путешествиях XX века посвящена экспедициям к Северному и Южному полюсам, хотя это формальные точки, отмечающие ось вращения планеты. А она совершает сложные, хотя и небольшие, перемещения. На полюсах сходятся меридианы; но и это сугубая условность. Без специальных приборов и астрономических наблюдений по земным визуальным приметам полюса не обнаружишь.

Ученые и путешественники обычно не обделены стремлением к славе, а для журналистов важно создать атмосферу сенсационности вокруг того или иного предприятия. Соединение этих двух интересов превратило экспедиции к полюсам планеты в некий вид спортивного состязания разных команд.

Среди тех, кто стремился достичь полюса, были серьезные исследователи. К их числу относится Фритьоф Нансен, организовавший научную экспедицию на специальном судне «Фрам» (об этом речь впереди). Но до Северного полюса он не добрался.

Принято считать, что первым побывал там Роберт Пири (1856–1920). Он с юности мечтал об арктических путешествиях и о славе «покорителя вершины планеты Земля».

Инженер по профессии, он служил в военно-морском ведомстве США, был отправлен не на север, а в прямо противоположном направлении – в Никарагуа. На подступах к полюсу он сначала побывал в Северной Гренландии. Во время отпуска летом 1886 года вместе с более опытным К. Мэйгаром он прошел по ледяному гренландскому щиту 160–190 км и поднялся на высоту 2,2 км.

Он еще не раз побывал в Гренландии, провел там зимовку вместе с исследовательской группой (с ним была жена Джозефина). Они вели метеорологические наблюдения, изучали быт и нравы эскимосов. В 1892 году Пири и норвежский лыжник Аструп за полтора месяца прошли без малого две тысячи километров по северо-западной окраине Гренландского ледникового щита. В 1900 году он достиг северной окраины Гренландии – мыса Виков на широте 83°37'.

Пири и Кук борются за первенство в открытии Северного полюса в окружении... пингвинов. Французская карикатура

Во время одного из походов Пири обморозил ноги, и ему удалили почти все пальцы ног. Но это не охладило его стремления достичь Северного полюса. Летом 1902 года он организовал экспедицию, которая, по его словам, по льдам океана прошла до $84^{\circ}17'$ северной широты...

Проведя широкую рекламную и организационную деятельность, Пири обзавелся поддержкой Арктического клуба и ряда богатых жителей Нью-Йорка (он обещал увековечить их имена при открытии новых земель). Необходимые финансовые средства были получены, договоры заключены, и в 1905 году Роберт Пири отправился в экспедицию на Северный полюс. С ним был его обычный чернокожий спутник, слуга и врач Мэтью Хенсон.

В арктические воды они шли на предоставленном Арктическим клубом ледоколе «Рузвельт». Наняли большую группу гренландцев с ездовыми собаками. Судно осталось на зимовку на северо-восточной окраине острова Элсмир у мыса Шеридан.

В марте 1906 года его группа направилась на север по льдам океана. Путь оказался трудней, чем ожидал Пири. Они вернулись, не дойдя до цели. По словам Пири, 21 апреля они достигли рекордной широты 87°6 (правда, у специалистов, которые ознакомились с его записями, возникли сомнения в этом).

Вернувшись на родину, Пири летом 1908 года вновь отправился на «Рузвельте» сначала к мысу Шеридан, где перезимовал, а затем на запад к мысу Колумбия. 1 марта 1909 года он с М. Хэнсоном и группой эскимосов отправился «покорять» Северный полюс.

Двигались по принципу многоступенчатой ракеты: на определенном этапе очередная группа эскимосов отправлялась назад.

Полыньи сменялись торосами, ясные морозные дни – выюгами.

На последнем переходе двух американцев сопровождали четверо гренландцев с сорока собаками. Им требовалось преодолеть оставшиеся 270 км. Было 1 апреля. А через 5 дней Пири записал в своем дневнике: «Наконец-то полюс! Моя мечта и цель в течение 20 лет! Наконец, мой!

Мы потом прошли еще 18 км... Итак, я в короткое время перешел из Западного полушария в Восточное, я действительно достиг вершины мира».

Он воткнул в лед американский флаг и оставил стеклянную бутылку, в которой написал, в частности, что он от имени президента США «формально вступил во владение всею областью и ее окрестностями. Я оставляю этот акт и флаг Соединенных Штатов как заявку о владении».

Послание отчасти комичное. Льды океана находятся в постоянном движении, так что его бутылка с гордым заявлением о «правах владения» достаточно быстро удалится от дальней точки, и трудно сказать, куда она попадет через несколько лет.

Когда Пири благополучно вернулся обратно, то из первого пункта, где был телеграф, направил президенту США срочную телеграмму: «Северный полюс в Вашем распоряжении». И получил ответ: «Благодарю за щедрый дар. Не знаю, что с ним делать».

Роберта Пири чествовали как национального героя, наградили орденами и медалями, возвели в ранг контр-адмирала ВМС США.

Выше была сделана оговорка: «принято считать», что Пири был первым на Северном полюсе. Дело в том, что этот вопрос так и остался без убедительного ответа. Некоторых специалистов не убедили представленные им доказательства. Хотя, по его словам, Пири прошел еще дальше, а также измерил глубину моря в этом месте (оказалось – 2750 м).

Вообще, «покорение» Северного полюса изначально носило скандальный характер. Дело в том, что в США еще до сообщения Пири была получена телеграмма Фредерика Кука (1865–1940), врача и известного полярного исследователя. В ней говорилось, что он с двумя эскимосами побывал 21 апреля 1908 года на Северном полюсе.

Специалисты, ознакомившись с его материалами, высказали сомнения в этом утверждении, и претензии Ф. Кука были отвергнуты.

Суэта вокруг первого посещения Северного полюса вызвала большой отклик во всем мире. Например, французская газета опубликовала карикатуру: над полюсом, держась за американский флаг, заняты мордобоем два полярника (Пири и Кук). А вокруг толпятся внимательные зрители – пингвины. Это уже из серии географических казусов: как известно, пингвины водятся только в Южном полушарии.

Трагическое открытие Южного полюса

Норвежский полярный исследователь Руал Амундсен (1872–1928) прославился в 1906 году как первый путешественник, которому удалось пройти на небольшом судне из Атлантического океана в Тихий по так называемому Северо-западному проходу.

Осенью 1910 года Амундсен на корабле Нансена «Фрам» отправился к Северному полюсу. Однако в пути он получил известие о том, что там уже побывали Кук и Пири. Тогда Амундсен решил изменить маршрут экспедиции на прямо противоположный. Его целью стал Южный полюс.

Туда, как он знал (сам консультировал!), отплыла английская экспедиция, руководимая капитаном Королевского флота Робертом Скоттом (1868–1912). До этого он совершал маршруты в Антарктиде в начале XX века. В 1907 году Эрнест Шеклтон (прежде он был в группе Скотта) с четырьмя товарищами на пути к Южному полюсу прошли за 88° южной широты. И хотя до цели оставалось менее 200 км, они из-за страшной усталости и нехватки продовольствия вынуждены были вернуться назад (более тысячи километров).

Р. Амундсен: «С детства я мечтал о Северном полюсе, а покорил... Южный»

Итак, взяв курс на Южное полушарие, Амундсен оповестил Скотта о своем намерении. Началось соревнование – наперегонки.

Надо отдать должное Скотту: его экспедиция преследовала в значительной мере научные цели, была оснащена разнообразными приборами, вела на маршруте регулярные наблюдения за погодой. Все это, безусловно, затрудняло продвижение.

Понадеялись на технику, взяв мотосани; но они быстро вышли из строя. По какому-то нелепому заблуждению (почему опытный Амундсен не разубедил?) использовали лошадей, пони, которые не смогли перенести страшную антарктическую стужу. Да и одежда полярников в те времена была громоздкой и недостаточно утепленной.

Всех этих промахов избежал Амундсен. Он избрал более короткий путь (почти на 100 км), взял мобильную группу, оснащенную в «эскимосском стиле», с собачьими упряжками. За время зимовки его люди на значительной части маршрута расставили промежуточные базы, склады продовольствия и горючего.

Его попытка выйти значительно раньше Скотта – в конце августа – не удалась: пришлось вернуться из-за сильных морозов. Суровая полярная весна еще не наступила. 15 октября они пошли на штурм Южного полюса.

Отряд Скотта выступил чуть позже из-за неполадок с техникой. Они также пересекали гигантский широкий шельфовый ледник Росса. У группы Амундсена было преимущество: путь до полярного круга у них был вдвое короче. Имея хорошо подобранные собачьи упряжки, его группа из пяти человек за четыре дня поднялась на ледник высотой около 3 км. Всего им предстояло пройти 2250 км.

С огромными усилиями, волоча за собой сани с вещами и провиантом, стараясь вести научные наблюдения, пробивались к полюсу Скотт и его спутники: Лоуренс Оутс, Эдвард Уилсон, Эдгар Эванс, Генри Бауэре.

Группа Амундсена, отправившаяся чуть позже них, двигалась быстрее и немного более простым путем, хотя и менее изученным, и первой достигла Южного полюса 14 декабря 1911 года. Они водрузили норвежский флаг, все вместе держась за древко.

Амундсен записал в дневнике: «Никто, вероятно, не был более далек от цели своей жизни, чем я в эту минуту. С детства я мечтал о Северном полюсе, а покорил... Южный».

Обратный путь они прошли быстро по знакомому маршруту от базы к базе, несмотря на сильный мороз. Они были отличными выносливыми лыжниками, привыкшими к Заполярью. 26 января 1912 года все они вернулись на побережье. Здесь их поджидал «Фрам», успевший совершить исследовательский поход.

К тому времени Скотт и его товарища уже достигли (17 января) заветной точки, от которой все пути ведут на север. Англичане издали увидели норвежский флаг, подошли к истоптанной площадке.

Это было страшным потрясением в жизни этих сильных людей. Они были истощены физически и опустошены морально.

«Все труды, все лишения и муки – к чему? Пустые мечты, которым теперь настал конец».

Обратный путь оказался мучительным и трагичным. Пронизывающий холод. Скотт и Эванс упали в глубокую трещину. Эванс серьезно пострадал, по-видимому, получил сотрясение мозга. Он стал быстро терять силы и 17 февраля скончался.

Оставшиеся четверо добрались до базового склада. Тут их ожидал новый удар: из баков при очень низких температурах вытек весь керосин. Они остались без топлива.

С каждым днем портилась погода. Температура опустилась ниже 40 °С. Заболевший Оутс, жертвуя жизнью, 16 марта ночью в пургу ушел из палатки и замерз. Скотт записывает через два дня: «Мы изнурены почти до предела... Моя правая нога пропала – отморожены почти все пальцы». Через 4 дня: «Метель не унимается... Топлива нет, пищи осталось на раз или два. Должно быть, конец близок».

Последние записи Скотта 29 марта: «Жаль, но я не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать. Р. Скотт». Однако у него нашлись силы на последние слова: «Ради Бога, не оставьте наших близких».

Группа поиска через 8 месяцев обнаружила палатку. В ней лежали заледенелые тела трех путешественников. Скотт сидел, прислонившись к стойке, с записной книжкой под головой.

На памятнике, установленном на их могиле, надпись: «"Бороться, искать, найти и не сдаваться" – было девизом их жизни» (строка из поэмы Альфреда Теннисона).

Амундсен был потрясен известием о гибели своих «соперников». Он не без основания чувствовал в этом и немалую долю своей вины.

У него возникла честолюбивая мечта первым из землян побывать на обоих полюсах планеты. В 1918 и 1925 годах он пытался достичь Северного полюса на аэроплане и гидроплане, – неудачно. Третья попытка была предпринята на дирижабле «Норвегия», построенном по проекту инженера Нобиле в Италии на средства американца Элсуэрта. Они совершили в мае 1926 года трансарктический перелет из Шпицбергена до Аляски, сбросив над Северным полюсом норвежский, итальянский и американский флаги.

Глава 2. Отчаянные одиночки

Одинокое заключение – тяжкое наказание. Немногим удастся долго выдержать его, не теряя духовных и физических сил, ясного рассудка.

Одинокое заключение – свободный выбор некоторых людей. Они делают его именно тогда, когда уверены в своих силах и способности преодолеть невзгоды, добиться какой-то цели, порой с явным риском для жизни.

Что толкает их на подобные поступки? Причины бывают разные. Наиболее позорная, на мой взгляд, – ради рекламы, по заказу толстосумов. Но что поделать, если таков неписаный закон капитализма.

Вообще-то для трудных одиночных маршрутов требуется особый склад ума и характера. Чрезвычайно редко они не предполагают никаких научных или познавательных целей. В советское время в геологический маршрут запрещалось ходить одному (хотя, конечно, иногда приходилось нарушать это правило техники безопасности).

Преодоление злой магии К2

В 1954 году Вальтер Бонатти не по своей вине, а на свою беду не смог принять участие в последнем штурме вершины К2. С этого момента на него словно пало заклятие.

На следующий год в Альпах он с тремя друзьями-альпинистами решил подняться на почти отвесную западную стену горы Пти Дрю. Никому еще не удавалось преодолеть ее целиком. Однако из-за плохой погоды они вынуждены были отступить.

Бонатти признавался: «Второе поражение привело к серьезной душевной депрессии, которая оказалась последней каплей, переполнившей чашу моего разочарования и огорчений, которая и так уже была полна до краев после возвращения с К2... Можно сказать, что в течение целого года я не верил ни во что и никому. Я стал нервным, раздражительным и нетерпимым к людям, растерял все идеалы, иногда приходил в отчаяние без всякой видимой причины. Я чувствовал, что потерял самого себя и перестал существовать для других. Часто, когда кто-нибудь говорил, что К2 доконала меня, рыдания подступали мне к горлу, а что я выстрадал в одиночестве – трудно вообразить».

Вальтер Бонатти выбрал смертельный риск как лекарство от депрессии

Депрессия – тяжелый душевный недуг. Нередко выход из него страдающий находит в самоубийстве. Бонатти избрал другой вариант: смертельный риск и тяжелейшее физическое и моральное испытание. Он решил в одиночку штурмовать неприступный доселе юго-западный контрфорс Пти Дрю.

При таком восхождении полагаться приходится только на себя в любых обстоятельствах. Угроза гибели возрастает из-за чрезвычайной трудности маршрута, по большей части совершенно неизвестного.

Чтобы избежать критических замечаний и насмешек, Бонатти поделился своим планом только с профессором Черезе, когда они в августе приехали в отель, расположенный напротив горы. Шел дождь. К 15 августа небо прояснилось, и в этот день в 2 часа ночи Бонатти вышел с грузом снаряжения и продовольствия весом 36 кг.

Он подошел к горе, поднялся по крутому рыхлому склону морены (нагромождению песка, глины и валунов, оставленному некогда ледником) и стал подниматься по узкой расщелине к основанию контрфорса. Надо было пройти ее до того, пока солнце отогреет скалы и от них начнут отламываться обломки.

Скалы, покрытые коркой натечного льда, были иссечены камнепадами. Альпинист поднимался по желобу, с каждым часом все больше рискуя попасть под удар камня. Рюкзак застревал в расщелинах. Пошел снег. Пришлось возвращаться.

Он не был обескуражен и продумал другой маршрут: спуститься на 245 м к подножию стены со скалы, добраться до которой было нетрудно. Перед штурмом Бонатти чувствовал себя неважно. «Я завидовал... – писал он, – всем, кому не надо было подвергать себя таким испытаниям ради самоутверждения». Но он решил, несмотря на плохое предчувствие, пойти на штурм, пусть даже ценой жизни.

С тяжелым грузом он добрался по склону Дрю до места спуска в пропасть. Используя длинную веревку, он спускал на очередной выступ рюкзак, а затем спускался сам. Приходилось вбивать в расселины скал крюки. Однажды он промахнулся и разможил молотком последнюю фалангу безымянного пальца. Хлынула кровь, руку словно ожгло. Все же он забил крюк и перевязал рану.

Спуск оказался неожиданно трудным и долгим. Наконец, он добрался до стены и начал подъем. К вечеру он добрался до небольшого заснеженного уступа. И тут веревку заклинило: он не смог ее продернуть. Пришлось устраивать ночлег, хотя прилечь было негде. Он промок насквозь. Открыв рюкзак, обнаружил, что топливо вылилось из пробитой фляги, испортив почти все продукты. Остались: две пачки галет, четыре небольших сыра, тубик сгущенного молока, банка тунца, две банки пива, небольшая фляжка коньяка. В довершение бед он теперь не мог растопить лед для питья.

Всю ночь он простоял, дрожа от холода. Казалось, что все идет к бесславному или трагическому финалу. На рассвете подсохшую за ночь веревку удалось освободить, и он продолжил подъем.

Скалы были крутыми и гладкими. Приходилось выискивать трещины, вбивать крюки, закреплять страховку, а пройдя участок, закреплять веревку и спускаться, выбивать нижние крюки, подтягивать вверх рюкзак. Поднявшись, немного передохнуть, выбрать дальнейший путь и проделывать вновь то же самое.

На третьи сутки были пройдены две трети подъема. Путь преградил нависающий карниз. Распухшие руки были в ссадинах, болел разбитый палец. Организм был обезвожен, и мышцы порой сводила судорога.

Под карнизом на гладкой стене змеилась трещина. Он стал продвигаться вдоль нее, забивая крючья. Невдалеке пролетел небольшой самолет, развернулся и прожужжал внизу. По-видимому, его хотели обнаружить на этой огромной стене.

Ему надо было добраться до другой трещины, но расстояние было слишком велико. Один выход: раскататься маятником. Но тут заклинило веревку. Пришлось возвращаться, выбить крюки, снова приблизиться к трещине. Несмотря на все усилия, добраться к ней не удалось. Путь назад тоже был отрезан.

Он находился на грани паники. Помощи ждать не приходится. Один. Измучен труднейшим подъемом при недостатке пищи и воды. Силы на исходе. Что делать?

У основания недоступной трещины он увидел скальный выступ с торчащими зубцами. Одна надежда: забросить туда веревку и снова использовать метод маятника. Он привязал к концу веревки петлю, прикрепил к ней несколько специальных крючков. После множества бросков это сооружение зацепилось более или менее прочно за выступ.

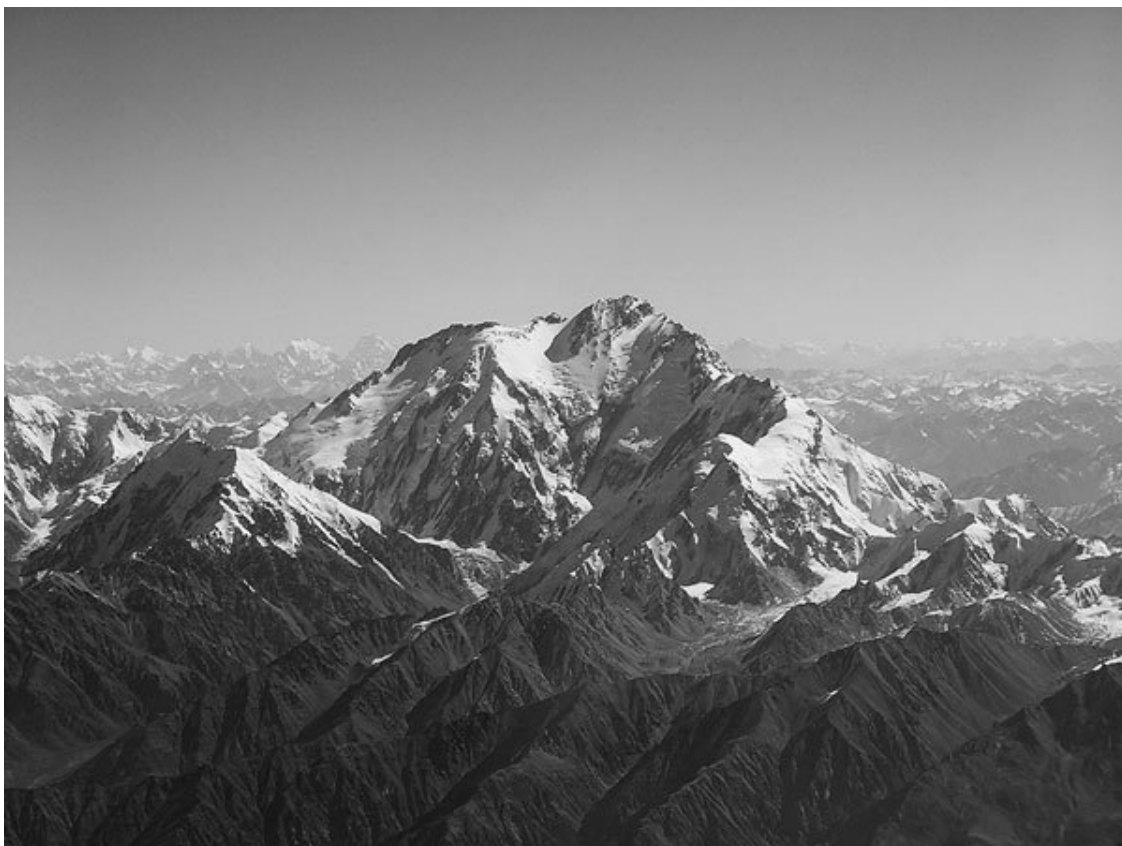
Бонатти вспоминал: «Последние секунды мучительной нерешительности, последняя молитва, а затем, когда пробрала неудержимая дрожь и, не дожидаясь, когда ослабнут мои силы, я на секунду закрыл глаза, задержал дыхание и скользнул в бездну, вцепившись обеими руками за веревку. В одно мгновение мне показалось, что я лечу вниз вместе с веревкой, но затем падение словно замедлилось, и через секунду-другую я почувствовал, что прошел мертвую точку, – крепление выдержало».

Он осторожно подтянулся на веревке до скального выступа и забрался на него. За несколько часов удалось только обойти карниз. Наступила шестая ночь подъема по контрфорсу. Но теперь он поверил, что маршрут будет пройден, хотя распухшие руки едва слушались его. Уже на подходе к вершине у него под рукой отвалилась глыба. Он едва не улетел вместе с ней в пропасть, но успел заклинить руку в трещине. Камень задел ногу, но сильно ее не повредил.

Последние усилия, и в 4 с половиной часа утра 22 августа 1955 года Бонатти встал на вершину Пти Дрю. Он одержал победу над мучившими его злыми духами пика К2.

Один на один с Нангапарбат

Англичанин Морис Уилсон вышел в 1934 году один на штурм Эвереста, веря в свою счастливую звезду, хотя и не обладая должными навыками такого восхождения. Он погиб почти на полпути. Два других альпиниста-одиночки благоразумно отступили уже на подступах к вершине.

Вершина Нангапарбат

С тех пор долгое время подобные походы на высочайшие вершины мира никто не совершал. Бывали случаи, когда участник большой экспедиции поднимался один из последнего лагеря, расположенного достаточно близко к вершине. Совсем другое дело – самостоятельный подъем от подножия горы. Надо нести тяжелый груз и несколько дней оставаться один на один с горой, рассчитывая только на себя и рискуя погибнуть при несчастном случае, ибо никто не придет на помощь.

На такое восхождение решился в августе 1987 года австриец Рейнхольд Месснер. Его целью был пик Нангапарбат (8125).

У этой экспедиции была непростая предыстория. Рейнхольд уже дважды пытался совершить этот дерзкий маршрут, и оба раза неудачно. Но главное, что здесь в 1970 году он был в составе группы австрийца Карла Херлигкоффера. Из последнего лагеря он достиг вершины вместе с младшим братом Понтером. Они шли налегке, а обратный путь оказался значительно трудней, чем они предполагали. Им пришлось провести ночь на морозе без палатки и примуса, под алюминизированной пленкой.

Дальнейший спуск совершенно их измотал, а до лагеря так и не удалось добраться. Пришлось вновь заночевать на леднике. Продолжили спуск рано утром, еще при луне. Рейнхольд шел впереди, выбирая путь. Он плохо соображал, ему слышались голоса и мерещились фигуры людей и животных. Остановился, утолил жажду из ручейка и сел, дожидаясь брата. Его не было.

Рейнхольд весь день искал брата, охрипнув от крика. Обнаружил след свежей лавины в том месте, где они спускались. Стало ясно: под ней погребен Гюнтер. Спустившись к подножию ледника, Рейнхольд провел здесь четвертую ночь без еды и укрытия.

Он вышел в долину и снова ночевал, двигаясь, как во сне. Когда его заметили местные скотоводы, он был крайне истощен, обожжен солнцем, с изодранными в кровь и обмороженными ногами. Позже ему ампутировали большой палец на ноге и частично – почти все остальные.

Богатый барон из Западного Берлина пригласил измученного альпиниста погостить и набраться сил в его замке. И то и другое удалось, но уехал Рейнхольд не один, а с красавицей баронессой Уши, оставившей мужа и троих детей. Они поженились и в 1971 году побывали у горы Нангапарбат, в безуспешных поисках тела Гюнтера. На следующий год Рейнхольд взойшел на свой второй восьмитысячник – Манаслу (8156). И тут произошла трагедия. Месснер с напарником Йегером вышли на штурм вершины. На полпути Йегер решил вернуться. Рейнхольд побывал на вершине, несмотря на снежную бурю, и вернулся в лагерь, а его напарника все еще не было. Два других альпиниста пошли на его поиски, и один из них погиб.

Прошел год, и Рейнхольд попытался первый раз один взойти на Нангапарбат. Перед маршрутом он пребывал в подавленном состоянии. Записал в дневнике: «Уже далеко за полночь, а я не могу заснуть... Я думаю об Уши и горько плачу». Он выступил утром, но быстро почувствовал, что лучше повернуть назад...

Он снова и снова возвращался с альпинистскими экспедициями в Гималаи. В результате... Уши от него ушла. Он попытался пройти в одиночку Нангапарбат. Безуспешно! Зато ему удалось в мае 1978 года вместе с Петером Хабелером взойти на Эверест без кислородных аппаратов.

Итак, 6 августа 1987 года Рейхольд Месснер от подножия все той же Нангапарбат направился вверх по склону, предполагая за трое суток преодолеть крутые подъемы высотой 3500 м. В рюкзаке – легкая палатка, спальный мешок, примус, ледоруб, кошки, запас продуктов – всего 15 кг. За 6 часов он поднялся на 1600 м. Первая ночь прошла хорошо. Под утро невдалеке сошла огромная лавина. За этот день он поднялся на 1 км.

Одиночество порождало видения. Ему казалось, что он здесь не один (защитная реакция подсознания!). Однако на следующее утро он вдруг остро ощутил утрату своей любимой Уши, почувствовал себя одним на целом свете и горько заплакал. Пожалуй, сказались усталость и высота 7500 м. Он решил добраться до вершины налегке с ледорубом и фотоаппаратом, а затем вернуться в палатку. Путь оказался тяжелым, и лишь к 4 часам дня он взойшел на вершину Нангапарбат.

Он был на удивление спокоен, хотя прежде на восьмитысячниках переживал сильнейший наплыв эмоций – до рыданий. Позже он обдумал причину такой разницы и верно рассудил: «Поскольку я был теперь на вершине в одиночестве, то просто не смог бы перенести такого наплыва чувств и уйти отсюда. Наш организм знает больше, чем мы в состоянии постигнуть умом».

На вершине он пробыл час, сделал фотоснимки (автоспуском запечатлел на пленке и себя). Спустился к палатке. А ночью началась буря. Сутки ему пришлось провести в палатке. На такой высоте он быстро терял силы. Решил оставить все вещи и за день спуститься до лагеря. Не удастся – смерть. Прошел по ледяному желобу, где в любой момент могла пронестись лавина.

Ему повезло. Спуск на базу прошел так же успешно, как восхождение.

Через Атлантику на вёслах

Переплыть на веслах в одиночку Атлантический океан! Идея то ли бредовая, то ли самоубийственная. Штормы, встречный ветер, морские течения и больше трех с половиной тысяч миль...

Когда 29-летний Джон Фэрфакс попросил помощи в этом предприятии известного конструктора яхт Уфу Фокса, тот был в недоумении. Но все-таки через месяц прислал решительному молодому человеку синьки чертежей лодки, способной выдержать такой переход.

Побережье Флориды, к которому так стремился Джон Фэрфакс

Джон Фэрфакс – авантюрист по складу характера, интернационалист по происхождению и месту жительства, – родился в 1937 году в Италии от отца англичанина, матери болгарки. С детства жил с матерью в столице Аргентины Буэнос-Айресе. Отличался бойким, а то и хулиганским характером. В поисках приключений и удачи пробовал разные профессии в Бразилии, странах Карибского бассейна. В 1966 году, уже будучи в Великобритании, узнал, что англичане Риджуэй и Блай вдвоем на лодке пересекли Атлантику, и их чествовали как героев.

Это событие произвело много шума в прессе. Дело в том, что раньше них, 21 мая 1966 года из США в Англию вышли на веслах журналисты Джонстон и Хор. Они надеялись, что им поможет попутный Гольфстрим.

Через две недели Риджуэй и Блай тоже пошли на веслах через Атлантику, севернее их маршрута. 92 суток они непрерывно гребли – вдвоем и поочередно, испытывали шторма и переживали часы отчаяния. Через несколько недель посредине Атлантического океана была найдена опрокинутая лодка их «конкурентов». Джонстон и Хор погибли.

Такой финал не поколебал решимости Фэрфакса. Чертежи лодки у него-то были, но не было денег. Он мыл посуду в ресторане, искал богатых покровителей, поместил объявление в «Тайме». Наконец, одна из газет выделила деньги на строительство лодки. Она была сложнее оборудована и более остойчива, чем лодка Джонстона и Хора.

Фэрфакс выбрал южный маршрут от Северной Африки на запад. Взял с собой опреснитель морской воды и запас пищи на 100 дней. Рассчитывал пополнять его ловлей рыбы.

20 января 1969 года он вышел на веслах в океан на лодке «Британика». Работал на веслах несколько часов, но ветер и волны мешали продвигаться вперед. Успехи были ничтожны. Как только он переставал грести, лодку относило назад. Поистине сизифов труд!

На пятые сутки он потянул мышцы спины. Иногда он орал от боли, но вынужден был налегать на весла. На 16-е сутки он загарпунил морскую черепаху. Еще через неделю повстречался с судном, идущим в Буэнос-Айрес. Он поднялся на борт, принял ванну и подкрепился обедом, а затем чуть не поддался искушению: капитан предложил ему бесплатный проезд вместе с лодкой. Ведь прошел почти месяц, а Фэрфакс не прошел и десятую часть пути. Заманчивое предложение было отклонено.

Вскоре задул попутный ветер. Но затем грянул шторм. К счастью, «Британика» прыгала на волнах, как пробка. Наконец, его подхватило течение. Потянулись дни многочасовой работы веслами и достаточно быстрого продвижения вперед. Он добывал рыбу, имел неприятные встречи с акулами. Это было особенно опасно, когда ему приходилось спускаться за борт и очищать днище лодки от ракушек.

Фэрфакса сносило на юг, а потому путь становился длиннее: ведь он хотел достичь Флориды. Пришлось выбросить за борт излишки продовольствия (кроме месячной нормы) и грести 12 часов в сутки. На руках и на сиденье увеличивались ссадины, возникали язвы.

В день своего рождения, несмотря на волны, он позволил себе вольность: встал с бутылкой бренди и захотел сделать глоток. В этот момент его смыло за борт. К счастью, не отбросило в сторону, и он смог забраться обратно. Но подошва на правой ноге была распорота. Рана заживала медленно, грести стало труднее, а порой его лихорадило.

Однажды Фэрфакс почувствовал себя скверно, до рвоты. К лодке подплыла любопытствующая акула. Он внезапно ощутил дикую ненависть, схватил нож и бросился к ней. Она отплыла. Он продолжал погоню. Опомнившись, увидел свою лодку вдали. К счастью, был слабый ветер, и ему удалось к ней доплыть.

Перевалившись через борт, он все еще плохо соображал и был в бешенстве. Ему почудилось, что перед ним белое брюхо акулы, и он стал кромсать его ножом. Вдруг сообразил, что перед ним белая парусина водосборника. Тогда он лег на лежанку, колотя по обшивке, пока не заснул. «Не припомню случая, – писал он, – чтобы мне доводилось так сломаться прежде... Мне было тогда не по себе».

Землю он увидел на 160-е сутки – 29 июня. На этом необитаемом острове он побегал по песку, поймал омара и продолжил маршрут. Добравшись до Багамских островов, все-таки нашел в себе силы двигаться дальше, к намеченной цели – на северо-запад, к Флориде.

Фэрфакс рисковал стать жертвой нередких здесь тайфунов. Но удача была на его стороне. Прошло еще 20 дней, и «Британика» подошла к берегу Флориды. Победа!

Кругосветка Чичестера

Этот рейс Френсиса Чичестера признали в XX веке самым выдающимся достижением в одиночных плаваниях. Три вызова бросил он Мировому океану: обогнуть мыс Горн, идя с запада (так опасались ходить даже крупные парусники); побить достижение Вито Дюма, обогнувшего земной шар за 272 дня; установить рекорд безостановочного плавания – лишь с одной стоянкой.

Предстояло идти «ревушими сороковыми» – широтами, где ветры проносятся над пустынными водами, вздымая пятнадцатиметровые волны. Здесь царствуют циклоны, приносящие жестокие штормы, человек и судно испытывают предельное напряжение. Этот маршрут в XIX веке прославили английские клиперы, ходившие в Австралию и обратно к Британским островам вокруг мыса Горн. Чичестера вдохновила идея пройти одному по пути парусников с большим экипажем. А ведь ему уже исполнилось 64 года!

Сэр Френсис Чичестер в путешествии

В первое путешествие – из Англии в Новую Зеландию – он, сын священника, отправился 18 лет с 10 фунтами. Работал лесорубом, золотоискателем, продавал газеты, посредничал в фирме по недвижимости. Через десять лет на свои средства построил в Англии спортивный самолет «Мот» и вскоре стал известен как отважный пилот. В 1931 году выиграл кубок за

первый в мире перелет над Тасмановым морем из Новой Зеландии в Австралию, а затем осуществил самый длительный одиночный перелет из Новой Зеландии в Японию. Через 5 лет с товарищем пролетел из Австралии через Китай, Индию, Ирак, Египет и Тунис в Англию.

Во время Второй мировой войны он служил в Англии инструктором военно-воздушной школы по астронавигации (из-за ограничения летать – по зрению и возрасту).

Парусным спортом Чичестер занялся в 50 лет, как всегда с увлечением овладев технической стороной дела, а упорства и характера ему было не занимать. В 1960 году на «Джипси-Мот III» победил в первой атлантической регате одиночек, пройдя 4004 мили за 40 с половиной суток. Он похудел почти на 5 кг, но ранее обнаруженный рак отступил. Парус вернул его к жизни, море заставило поверить в свои силы. «Мне хотелось бы повторить эти гонки. Я не совершил бы тех ошибок, которые допустил в этом состоянии», – подытожил Чичестер. Зимой 1961/62 года его модернизированная яхта преодолела Атлантику быстрее своего же рекорда на 7 дней.

Участвовал Чичестер и во Вторых атлантических гонках 15 яхт в 1964 году, заняв второе место и выполнив обещание пройти трассу менее, чем за 30 дней. Теперь можно было осуществить свою мечту о кругосветном плавании.

Чичестера поддержал лорд Дулвертон, ассигновав 20 тысяч фунтов стерлингов на постройку океанской яхты «Джипси-Мот IV» с площадью парусов 80 м², рассчитанной на обслуживание одним человеком. Корпус из 6-слойной прочной и легкой фанеры, длиной 16,5 и шириной 3,2 м, осадкой 2,4 м. Свинцовый балласт 3,9 т для остойчивости при 6-балльных ветрах и полной парусности.

Яхта была оснащена несколькими комплектами парусов, автоматическим рулевым устройством, спасательным плотом, радиостанцией с радиусом действия до 5 тыс. миль. На нее погрузили 300 кг продовольствия для первого этапа (обязательно – чеснок), пиво, коньяк, шампанское, сигары. Захватил мореплаватель и любимые музыкальные записи Бетховена и Гершвина.

27 августа 1966 года яхта Чичестера, облаченного в фирменный зеленый сюртук, вышла из Плимута. Так начался рейс под патронажем «Интернейшнл вул», богатейшей английской компании, производившей шерстяные ткани, клипера которой прежде доставляли шерсть в Британию. Заключил Чичестер договор с газетами «Гардиан» и «Санди тайме», также субсидировавшими его путешествие, о праве первыми публиковать репортажи о его плавании. Реклама, сэр!

При сильных порывах ветра удерживать яхту на курсе было трудно: расчеты не оправдались, судно оказалось плохо уравновешено. Чичестер, опершись плечами о кокпит, обеими ногами нажимал на румпель. Не всегда слушалась «автоматика». При сильном крене скорость достигала 9 узлов.

На 22-й день плавания, проходя мимо островов Зеленого Мыса, Чичестер отметил свое 65-летие. А 22 сентября, когда за кормой осталось 3500 миль, им был пересечен экватор. Яхта тогда не уступала в скорости клиперам XIX века, даже легендарной «Кати Сарк». Но далее из-за плохих погодных условий скорость резко упала.

В начале октября, на 38-й день рейса, «Джипси» повернула на восток, навстречу «реву-щим сороковым». Кончались запасы воды, барахлило устройство для зарядки аккумуляторов. Но яхта упорно продвигалась по намеченному маршруту: позади уже 7000 миль. На 58 день, обогнув мыс Доброй Надежды, она вошла в Индийский океан.

«Шесть раз пересекал я Северную Атлантику в это время года и трижды в одиночку. Приходилось встречаться там с ураганами, при которых скорость ветра достигала 80 узлов. Но теперь, в сравнении с Индийским океаном, всё это казалось детской забавой. Здешние штормы свирепы, коварны и зловещи», – отметил Чичестер.

Бедка пришла неожиданно. Сломалось автоматическое управление. Чичестер, соединив шкотами парус с румпелем, смастерил замену. Но приходилось часами не выпускать румпеля из рук, если неблагоприятные ветры не позволяли яхте идти самостоятельно. Это были трудные дни противоборства со стихией. При сильном ветре и высокой волне «Джипси» продвигалась вдоль южного побережья Австралии.

Среди островов Бассова пролива яхта шла галсами. 5 декабря до Сиднея оставалось 400 миль. И тут разразился штиль – бедствие для парусников. Чичестер едва держался на ногах. Только 11 декабря подул ветер. В лучах солнца сильно накренившаяся «Джипси-Мот IV» неслась по волнам к недалекому уже Сиднею под рев сирен и гудков сопровождавших ее яхт и моторных лодок. В порту среди встречавших героя были и прилетевшие из Англии жена Шейла и сын Джиль. 14 113 миль пройдены без остановок за 106 дней и 20 час 30 мин.

Сходя на берег, Чичестер с горечью сказал: «Теперь я уже знаю, что всему есть предел. Потерял я свои молодые силы». Он похудел на 10 кг, с трудом двигался из-за раненной при ремонте судна ноги. На вопрос, было ли ему страшно, ответил: «Это слабое определение. Временами меня охватывал ужас».

В Сиднее яхт-клуб отремонтировал судно, улучшив по его рекомендациям мореходные качества: была изменена форма киля, увеличен вес, по-новому распределен балласт. Но друзья, владелец яхты лорд Дулвертон, специалисты советовали Чичестеру отказаться от плавания вокруг мыса Горн. И все-таки 29 января 1967 года, после семи недель стоянки в Сиднее, «Джипси» вышла во 2-й этап плавания, хотя метеорологи предсказывали шторм в Тасмановом море.

Так и произошло. Горизонт закрыли черные тучи. Ветер достигал 12 баллов. Чичестер положился на судьбу и заснул в полностью задраенной каюте. Разбудил его резкий крен. Кажется, яхта опрокинулась. Вскоре она выровнялась. В каюте секстан, осколки бутылок, одежда, посуда, книги образовали почти метровый слой, и всё это было залито водой. С палубы смыло плавающий якорь и два свернутых паруса.

Прошло две недели, прежде чем «Джипси» обогнула Северный остров Новой Зеландии и вышла в Тихий океан курсом на юго-восток. Снова начались «ревущие сороковые». Суточные пробеги достигали до 200 миль. Были штормы и шквалы, но не такие жестокие, как в Тасмановом море.

Чичестер разнообразил трудовые будни: отмечал прохождение очередного меридиана, смену дат, годовщину своей свадьбы. Иногда судьба дарил ему умеренные ветры. Лавируя среди островов Диего-Рамирес, он приближался к опасному архипелагу Огненная Земля.

19 марта до мыса Горн оставалось 150 миль. Здесь самое штормовое место в мире. В прошлом только девяти подобным судам удавалось обогнуть мыс Горн, и шесть из них при этом переворачивались. Никто еще не огибал его в одиночку. Барометр предвещал шторм. Чичестер увеличил парусность, стараясь как можно скорей миновать злое место. Любая ошибка грозила катастрофой. Рассвет 21 марта яхта встретила в 30 милях от оконечности южноамериканского материка.

Сила ветра нарастала. Чичестер спустил все паруса, кроме кливера. Несмотря на это, судно мчалось по увенчанным белыми гребнями волнам со скоростью 8 узлов. Около 11 часов всего в нескольких милях мореплаватель увидел мыс Горн: его мечта сбылась! Правда, радость омрачил приступ морской болезни. Вскоре начался шторм. Ночью волны набрали высоту, и яхтсмена обуребал страх. Вышел из строя лаг, измеряющий скорость, а это не позволяло точно ориентироваться. К счастью, Чичестер оказался утром на палубе в тот момент, когда было еще не поздно обогнуть тянущиеся вдоль правого борта скалистые берега острова Лос-Эстадос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.